

УДК 004.8:17.023.6+172+130.2

DOI 10.35254/izv/2026.1.18

Байсубанов У.К.*БГУ им. К.Карасаева**к.филос.н., доцент**e-mail: ubaysubanov@bhu.kg***Канатбекова К.К.***БГУ им. К.Карасаева**преподаватель**kanatbekova_kymbatk@bhu.kg*

ПРОБЛЕМА ОБЩЕГО И ОСОБЕННОГО В ЭТИКЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Аннотация

Внедрение технологий искусственного интеллекта в ключевые сферы жизни современного общества обнажило острый дефицит этических стандартов, способных учитывать как универсальные, так и культурно-специфические ценности. Цель исследования – дать философский анализ моральных дилемм искусственного интеллекта через призму соотношения универсальных и локальных этических норм. Методологическую основу составляют сравнительно-философский и этнометодологический подходы в сочетании с уточнением понятийно-терминологического аппарата этики ИИ. Сравнительный анализ кыргызского и китайского этноэтикета показал, что дилеммы приватности, автономии алгоритмов и справедливости судебных решений получают принципиально разные ответы в зависимости от культурного контекста. Этика ИИ обоснована как самостоятельная философская проблема, практическое решение которой требует тщательного согласования глобальных технологических стандартов с локальными ценностными системами.

Ключевые слова: аксиология, обычное право, цифровой суверенитет, алгоритмическая предвзятость, межкультурный диалог, номадическая идентичность, ценностный плюрализм, тенгрианство, автономные системы, трансгуманизм

Байсубанов У.К.*К. Карасаев атындагы БМУ,**филос.илим.канд., доцент**e-mail: ubaysubanov@bhu.kg***Канатбекова К.К.***К. Карасаев атындагы БМУ,**окутуучу**kanatbekova_kymbatk@bhu.kg*

**ЖАСАЛМА ИНТЕЛЛЕКТТИН ЭТИКАСЫНДАГЫ ЖАЛПЫ
ЖАНА ӨЗГӨЧӨ МАСЕЛЕСИ: ФИЛОСОФИЯЛЫК ТАЛДОО**

Аннотация

Жасалма интеллектти коомдун маанилүү чөйрөлөрүнө интеграциялоо универсалдык да, маданий-өзгөчө да баалуулуктарды эске алуучу этикалык стандарттардын курч жетишсиздигин ачып берди. Изилдөөнүн максаты — универсалдык жана жергиликтүү этикалык нормалардын диалектикасы аркылуу жасалма интеллекттин моралдык дилеммаларын философиялык жактан талдоо болуп саналат. Методологиялык негизди салыштырма-философиялык жана этнометодологиялык ыкмалар, ошондой эле жасалма интеллект этикасынын терминологиялык аппаратын тактоо түзөт. Кыргыз жана кытай этноэтикетин кеңири салыштырып талдоо купуялуулук, алгоритмдик автономия жана сот адилеттүүлүгү боюнча дилеммаларга маданий контекстке карата кардиналдуу башкача жооп берилээрин ырастады. Жасалма интеллект этикасы заманбап илимдин өзүнчө философиялык көйгөйлөрү катары негизделди жана аны чечүү глобалдык технологиялык стандарттарды жергиликтүү баалуулук тутумдары аркылуу кылдаттык менен ылайыкташтырууну талап кылат.

Түйүндүү сөздөр: аксиология, адат, санариптик суверенитет, алгоритмдик алагаздык, маданиятаралык диалог, көчмөн идентичность, баалуулуктар плюрализми, теңирчилик, автономдук системалар, трансгуманизм

Baisubanov U.K.

BSU named after K. Karasaev

cand. phil.sc.,

Associate Professor

ubaysubanov@bhu.kg

Kanatbekova K.K.

BSU named after K. Karasaev

lecturer

kanatbekova_kymbatk@bhu.kg

THE PROBLEM OF THE GENERAL AND THE PARTICULAR IN THE ETHICS OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE: A PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Abstract

The spread of artificial intelligence across critical social domains has revealed a serious deficit of ethical standards that account for both universal and culturally specific values. This study provides a philosophical analysis of AI moral dilemmas through the lens of universal versus local norms. The methodology combines comparative philosophy and ethnomethodology, alongside refinement of AI ethics terminology. Comparative analysis of Kyrgyz and Chinese ethno-etiquette showed that privacy, algorithmic autonomy, and judicial fairness dilemmas yield different answers depending on cultural context. AI ethics is argued as an independent philosophical problem requiring careful alignment of global technological standards with local value systems.

Keywords: axiology, customary law, digital sovereignty, algorithmic bias, intercultural dialogue, nomadic identity, value pluralism, Tengrianism, autonomous systems, transhumanism

Современное общество невозможно представить без информационных технологий, и активное использование их достижений стало необходимостью. Одним из главных вызовов XXI века являются технологии, оснащенные *искусственным интеллектом* (ИИ), который сегодня считается одной из наиболее актуальных проблем. Ученые разных дисциплин - от кибернетики и психологии до лингвистики, инженерии и философии - обсуждают необходимость и последствия внедрения ИИ для человечества.

Историческая ретроспектива идеи искусственного интеллекта берет свое начало еще в эпоху Средневековья. В качестве интеллектуального истока данного направления зачастую рассматриваются труды испанского мыслителя Р. Луллия (XIV в.), предпринявшего попытку сконструировать логическую машину для решения задач на базе универсальной классификации категорий. В XVII столетии концептуальный фундамент будущего ИИ был расширен благодаря изысканиям Г. Лейбница и Р. Декарта. Их идеи о создании формализованных универсальных языков для систематизации человеческих знаний предвосхитили современные теоретические разработки в области цифрового интеллекта.

Переход ИИ в плоскость прикладной науки стал возможен лишь с появлением первых ЭВМ в 1940-х годах. Однако терминологическое оформление дисциплины произошло позднее: понятие «*artificial intelligence*» (искусственный интеллект) было официально предложено Дж. МакКарти в 1956 году. Данное событие послужило импульсом для начала масштабных международных исследований, направленных на математическое моделирование когнитивных процессов и алгоритмизацию функций человеческого мышления.

Как отмечает А. И. Швырков, в современной науке «различные трактовки ИИ и

его проблем - порой несовместимые друг с другом - сосуществуют в одном предметном поле, создавая значительную неопределенность в теоретических построениях» [1, с. 111-122]. С учетом этого можно выделить два ключевых положения для философского анализа этики ИИ:

1. *ИИ как предмет философской рефлексии.* Рассмотрение технологий искусственного интеллекта в рамках философского дискурса представляется оправданным, так как поиск ответов на актуальные вызовы требует глубокого анализа диалектики общего и частного, а также сопоставления универсальных этических стандартов с локальными культурными традициями.

2. *ИИ в качестве автономного социокультурного феномена.* Интеллектуальные системы могут интерпретироваться как явление, обладающее относительной самостоятельностью по отношению к классическому концепту человеческого разума. Подобный подход открывает возможности для оценки их этических последствий и социальной значимости без жесткой привязки к антропоморфной модели интеллекта.

Для дальнейшего философского осмысления этических аспектов ИИ важно уточнить, что понимается под интеллектом и искусственным интеллектом, а также какие когнитивные функции и способности лежат в основе этих понятий.

В современной научной литературе *интеллект* (лат. *intellectus*) интерпретируется как фундаментальное «свойство психики, обеспечивающее интерпретацию информации и адаптацию к изменяющимся условиям» [2, с. 15]. Согласно позиции, И. А. Филипповой, данный феномен проявляется через комплекс когнитивных функций - от обучаемости до креативности как способности к созданию качественно нового. При этом, как доказывают в своих исследованиях И. И. Полетаева, О. В.

Перепелкина и З. А. Зорина, определенные «когнитивные способности присущи и высшим животным» [3, с. 422], что подтверждает наличие у них элементов рассудочной деятельности и позволяет проводить аналогии с развитием искусственных интеллектуальных систем., что позволяет говорить о наличии у них элементов интеллекта; соответственно, искусственные системы, демонстрирующие аналогичные способности, могут рассматриваться как интеллектуальные.

Если ранее ИИ трактовался преимущественно как совокупность заранее запрограммированных алгоритмов, то современные системы способны к обучению и самостоятельному принятию решений, что придает им черты автономности и самоорганизации. В целом *искусственный интеллект* определяется, как способность искусственных систем реализовывать когнитивные функции, обучаться и адаптироваться, выполняя задачи, ранее доступные исключительно человеку [4, с. 69]. Дальнейшее развитие ИИ окажет значительное влияние на развитие цивилизации [5, с. 3].

Как справедливо указывали в своей работе В. Г. Пушкин и А. Д. Урсул, на текущем этапе развития науки общепринятая «единая теория ИИ» фактически подменяется целым «рядом теоретических дисциплин», освоение которых критически важно для специалистов данной области [6, с. 130]. Стоит констатировать, что за прошедшие три десятилетия в данном методологическом вопросе существенно прогресса не наблюдается.

Отсутствие единой теории связано с неопределенностью ее предмета и цели. Теории можно разделить на два типа:

Объяснительные - направленные на познание истины независимо от практического применения (математические, физические, биологические теории).

Целеориентированные - создаваемые для конкретного результата, где важны

образ цели, теоретические положения и практические методы (например, психоанализ Фрейда, изучающий бессознательные мотивы, и аналитическая психология Юнга, исследующая архетипы и коллективное бессознательное).

Теория ИИ относится ко второму типу, поскольку ее цель - создание конкретного «продукта». При этом продукт зависит от понимания ИИ: как системы, выполняющей интеллектуальные функции, или как в рамках данного подхода концепция искусственного интеллекта может развиваться автономно, приобретая черты самостоятельного учения о функционировании машинных комплексов и вычислительных алгоритмов. При такой интерпретации ИИ рассматривается не просто как инструмент, а как специфическая область знаний, сфокусированная на технико-технологической реализации когнитивных функций. Во втором случае отсутствие ясного образа цели затрудняет формирование единой теории, так как нет критериев оценки методов и подходов.

Создание общей теории ИИ отличается от разработки подходов к решению проблем ИИ. Единую теорию можно обсуждать только при признании принципиальной возможности ИИ; иначе она остается философской гипотезой.

Выход за рамки прикладных изысканий и интеграция проблематики ИИ в область философской рефлексии позволяют исследователю абстрагироваться от узкотехнических характеристик - таких как архитектурные особенности ЭВМ или временные параметры работы алгоритмов. Согласно концептуальному видению Д. Деннетта и Дж. Хогеланда, в данных условиях на первый план выдвигается не технологическая специфика, а сам онтологический «факт существования интеллектуальных систем как прецедента» [7, р. 385]. Подобный подход дает возможность анализировать искусствен-

ные системы как субъекты деятельности, которая на протяжении столетий признавалась исключительной прерогативой человеческого сознания.

Исследование этических стандартов ИИ сквозь призму культурной специфики актуализирует обращение к методологическому инструментарию этнометодологии, традиционно востребованному в антропологических и социокультурных изысканиях. Концептуальное ядро данного метода предполагает, что дескрипция социальных явлений должна быть интегрирована в более глубокий процесс герменевтического понимания. Ключевая специфика подхода, обоснованного Г. Гарфинкелем, заключается в выявлении специфических «процедур интерпретаций, скрытых, неосознаваемых, нерелативизированных механизмов социальной коммуникации между людьми» [8, с. 421]. В контексте этики ИИ подобная оптика позволяет проанализировать, каким образом вариативные культурные коды детерминируют общественное восприятие и моральную оценку интеллектуальных агентов.

Для дальнейшего анализа моральных и социальных дилемм ИИ важно уточнить, что мы понимаем под универсальными и культурно-специфическими этическими нормами, а также какие когнитивные и социальные аспекты лежат в основе интеллектуальных систем. Под универсальными нормами подразумеваются принципы, применимые вне зависимости от культурного контекста, такие как ответственность, справедливость и минимизация вреда. К культурно-специфическим нормам относятся моральные и социальные установки, формируемые традициями, историей и этническими особенностями конкретного общества. В последующем тексте эти понятия раскрываются через анализ влияния ИИ на общество и сравнение кыргызских и китайских культурных и этических традиций, демонстрируя, как универсальные

и локальные нормы взаимодействуют при внедрении интеллектуальных систем.

Когнитивная составляющая ИИ фокусируется на способности систем к динамичному обучению и воспроизведению интеллектуальных операций, характерных для человеческого сознания. В свою очередь, социальное измерение проблематики охватывает вопросы моральной ответственности, обеспечения справедливости и учета этнокультурной специфики в процессе технологической диффузии.

В данном контексте искусственный интеллект можно интерпретировать как технологическую имитацию человеческих когний. Данный тезис подтверждается позицией эксперта в области ИТ-разработок Игоря Ашманова, указывающего, что для профессионального сообщества «искусственный интеллект - это набор математических методов машинного обучения, позволяющих имитировать некоторые умственные функции человека» [9].

В данной плоскости актуализируется проблема этической ответственности субъектов проектирования, масштаб которой существенно превосходит границы традиционной инженерной или узкопрофессиональной этики. Критическое значение приобретает ценностно-смысловое содержание целей интеграции ИИ в структуру информационно-коммуникационных систем и программных комплексов. Это касается не только алгоритмов обработки массивов данных, но и внедрения интеллектуальных агентов в институциональные сферы: экономику, юриспруденцию, систему государственного управления и образовательное пространство.

Этическое содержание целей внедрения ИИ напрямую связано с потенциальными моральными дилеммами, которые возникают в процессе его применения. Например, автономные системы, принимающие решения без прямого контроля человека, ставят перед обществом вопро-

сы ответственности за последствия этих решений. В случае аварий с участием автономного транспорта или ошибок медицинских алгоритмов не всегда ясно, кто несет моральную и юридическую ответственность - разработчики, пользователи или сама система.

Помимо этого, использование ИИ в социальной сфере, образовании, экономике и правоохранительной деятельности создает риски дискриминации и усиления существующих неравенств. Алгоритмы, обученные на ограниченных или предвзятых данных, могут непреднамеренно закреплять стереотипы и искажать процессы принятия решений. Таким образом, этические нормы внедрения ИИ должны учитывать не только эффективность и результативность технологий, но и их справедливое воздействие на людей и общество в целом.

Ключевым аспектом становится необходимость учета культурных и этноконцептуальных различий в восприятии интеллектуальных систем. В разных обществах доверие к ИИ, допустимость автоматизации и понимание моральной ответственности могут существенно различаться. Применение этнометодологического подхода, предложенного Г. Гарфинкелем, озвученная нами ранее, позволяет анализировать скрытые социальные и культурные механизмы взаимодействия людей с ИИ, выявляя, как различные контексты влияют на оценку этих технологий.

Таким образом, этика ИИ перестает быть лишь вопросом профессиональной или инженерной ответственности и становится комплексной проблемой, включающей философский, социальный и культурный измерения. Она требует выработки принципов, способных обеспечить гармоничное взаимодействие человека и интеллектуальных систем, минимизируя потенциальный вред и усиливая пользу для общества [10, с. 57-73].

В современной философии науки этика искусственного интеллекта (ИИ) перестала быть сугубо техническим вопросом, превратившись в поле столкновения универсальных технологических стандартов и локальных ценностных систем. Основная дилемма заключается в поиске баланса между «общим» (глобальными этическими принципами) и «особенным» (культурно-специфическими нормами). При разработке интеллектуальных систем для конкретных регионов, таких как Кыргызстан, невозможно игнорировать исторический фундамент нормативного регулирования. Исследователи подчеркивают, что исторически именно «обычное право» выступало как регулятор социальных отношений традиционного кыргызского общества» [11, с. 51]. Эти неписанные нормы (адат) формировали уникальную модель ответственности и справедливости, которая сегодня вступает во взаимодействие с алгоритмическими решениями ИИ. Проблема «особенного» в этике ИИ здесь проявляется в необходимости цифровизации тех ценностей, которые веками функционировали в рамках обычного права.

Однако культурный ландшафт не статичен. Для корректной настройки этических фильтров ИИ важно учитывать, что ценностная матрица претерпела значительные изменения. В частности, ключевым фактором является «эволюция номадической этничности в постномадическую в советский период истории Кыргызстана» [12, №9, с. 242]. Этот переход создал сложный синтез традиционных кочевых идеалов и модернистских социальных установок. Если алгоритм ИИ будет опираться только на абстрактные западные или восточные стандарты, он рискует войти в резонанс с этой специфической «постномадической» идентичностью современного кыргызстанца.

Таким образом, этический анализ ИИ требует ухода от упрощенного универса-

лизма. Моральные дилеммы - будь то в беспилотном транспорте или в системах принятия социальных решений - должны решаться через призму синтеза. Мы должны рассматривать этику ИИ не просто как набор правил кода, а как живой процесс, где глобальные инновации встречаются с локальной спецификой, сформированной многовековым опытом обычного права и сложной эволюцией этничности.

В системе духовных ценностей кыргызского этноса правила приличия и дидактические традиции всегда находились в тесном органическом единстве. Исследователи подчеркивают, что «этикетные нормы и вопросы воспитания молодого поколения имплицитно присутствуют в бытовой жизни кочевника» [15, с. 6], причем данная преемственность в значительной степени сохраняется в сельской социокультурной среде и в наши дни. Важное место «занимало приветствие - "(«салам айтуу»)). Так, при встрече первым словесно приветствует младший. Кол беру-рукопожатие является одним из распространенных этикетных жестов при встрече и прощании, как и у многих народов. Для рукопожатия подает руку для приветствия младший по возрасту, входящий в помещение, при встрече пешего и человека верхом на коне конный (вне зависимости от возраста) обязательно должен был спуститься с лошади и первым протянуть руку для рукопожатия, а при встрече двух всадников первым должен был здороваться идущий с восточной стороны", а направление восток имело символическое значение света и жизни направление «восток» имело символическое значение света и жизни» [15, с.6].

Физический контакт между мужчинами и женщинами был ограничен, а нарушение этих норм считалось проявлением невежливости. Благополучие семьи и социальный статус зависели от наличия скота, что отражалось даже в приветствиях:

««Мал - жан аманбы?» - «Все ли благополучно? Все ли здоровы?» [15, с.6].

Принципы этикета проявлялись и в организации внутреннего пространства юрты: мужская и женская половины, почетное место - төр - для главы семьи, а соблюдение порядка рассаживания во время трапезы отражало возраст, пол и социальный статус. Традиционная многопоколенная семья была основным институтом передачи норм поведения и культурных моделей общины.

Этикет во время трапезы включал строгие правила распределения пищи - устуканов - по полу, возрасту и положению гостя, что отражало социальную иерархию, субординацию и моральные нормы. Нарушение этих правил считалось невежливостью, а система табу - запретов - регулировала бытовое и ритуальное поведение, включая природосберегающие нормы, например, запрет на загрязнение воды или жестокое обращение с животными.

В структуре традиционного кыргызского этикета значимая роль отводилась вокативным формам обращения, особенно в женской среде. Соблюдение патриархальной иерархии предписывало невесткам и снохам избегать прямого названия по имени мужа и его кровных родственников, что выступало актом глубокого почтения. Однако, как отмечает выдающийся этнограф С. М. Абрамзон, наряду с данными консервативными нормами, положение женщины в кочевом социуме характеризовалось значительной степенью автономии по сравнению с оседлыми народами региона. Автор подчеркивает, что кыргызские женщины «могли участвовать в общественной жизни, иметь собственное мнение, если не нарушали правила избегания» [13, с. 276].

Социальный статус, возраст и родословная определяли уважение и поведение в общине. Нарушение этикетных норм воспринималось как невоспитанность и

могло повлиять на репутацию человека и его семьи. В традиционном обществе нормы этикета существовали в наглядной форме обычаев, регулировали поведение в любой значимой ситуации и отражали кочевой образ жизни кыргызов: приоритет старших, уважение к социальным ролям, гостеприимство и соблюдение заповедей были фундаментом общественного устройства [15].

В коллективном труде «Китайская культура» этноэтикет рассматривается как фундаментальный компонент национальной традиции, транслирующий идеалы гармонии, глубокого почтения к старшим и коллективной сплоченности. Данная система норм детерминирует стандарты коммуникации в бытовой и профессиональной сферах, выступая ключевым фактором «обеспечения социальной стабильности» [14, с. 161].

Уважение к старшим выражается в почтительных формах обращения, например, «您» вместо «你», внимательности и вежливости, помощи и пропуске старших вперед. Гостеприимство проявляется через лучшие угощения для гостей.

Дарение подарков носит ритуальный характер: учитывается символика (не дарят часы, белый цвет ассоциируется с трауром). Этикет застолья включает угощение гостей в первую очередь, избегание вертикальной постановки палочек в рис и указание ими на других.

В системе деловых коммуникаций, как отмечает И. Н. Кузнецов, традиционные формы приветствия в виде кивка или поклона сегодня органично сочетаются с практикой рукопожатия, принятой в международной среде. Особое значение в восточном этикете придается демонстрации скромности через специфические речевые формулы, такие как «哪里哪里» или «还不够». Согласно позиции автора, «сохранение гармонии и избегание конфликтов» выступают базисными принципами

взаимодействия, где центральное место отводится семейным ценностям [16, с. 338]. В профессиональной сфере это требует строгого соблюдения формальностей: от ритуала передачи визитных карт обеими руками до корректного использования титулов и статусных обращений, например, «王先生» или «李老师» [16, с. 339].

Таким образом, китайский этноэтикет отражает глубокие ценности уважения, гармонии и коллективизма, способствуя формированию доверительных отношений и облегчая интеграцию в социальные и культурные контексты Китая.

Сравнительный анализ китайской и кыргызской культурных традиций показывает, что, несмотря на значительные различия в историческом и социокультурном контексте, обе системы строятся на фундаментальных ценностях уважения, сдержанности и внимательности к социальным сигналам. Китайский этикет акцентирует иерархию, социальную гармонию и соблюдение формальных норм, отражая коллективистский подход и стремление к поддержанию стабильности общества. Кыргызский этикет, напротив, основан на кодексе чести кочевника, ориентированного на личные, родовые и природные связи, гостеприимство и сохранение внутренней свободы. В обеих культурах соблюдение традиций и уважение к старшим являются ключевыми условиями успешной коммуникации, как внутри общины, так и во взаимодействии с внешним миром.

Философский анализ позволяет выйти за рамки простого описания ритуалов и выявить, как метафизические, эпистемологические и аксиологические основания формируют различные подходы к познанию, морали и оценке человеческой деятельности. В китайской философской традиции (конфуцианство и даосизм) космос рассматривается как гармоничная иерархическая система, в которой человек

- не хозяин природы, а часть единой сети взаимосвязей. Этическое поведение, соблюдение ритуалов и соответствие социальной роли рассматриваются как способ поддержания гармонии в обществе и космосе. В кыргызской кочевой философии, основанной на тэнгрианстве и устной традиции эпоса, космос воспринимается как динамичное пространство-время. Этика формируется как кодекс чести, а мораль определяется необходимостью выживания, сохранения рода и внутреннего достоинства (адамдык). Мудрость проявляется как знание жизненных и природных путей, а истина достигается через опыт, практику и диалог с миром.

Различия в культурных основаниях отражаются в восприятии ИИ и подходах к его этике. В китайской традиции ИИ рассматривается как инструмент оптимизации общества, где важнее коллективная гармония, тогда как в кыргызской философии ИИ - помощник человека, поддерживающий свободу выбора и гармонию с природой. Эти различия определяют доверие к ИИ, допустимость его применения и оценку моральной ответственности в разных культурах. Ниже представлена сравнительная таблица, иллюстрирующая уникальные ответы китайской и кыргызской культур на ключевые этические вызовы ИИ.

Особенное культур как источник уникальных ответов на этические вызовы

Этический вызов / дилемма	Китайский этноэтикет	Кыргызский этноэтикет	Суть конфликта / дополнения
Приватность /. Контроль (наблюдение, big data)	Иерархия и порядок. Коллективная безопасность и социальная стабильность могут оправдать сбор данных, если это служит «общему благу» под руководством старших.	Свобода кочевника и святость дома. Массовая слежка воспринимается как нарушение внутреннего суверенитета личности и семьи.	Дилемма: Что важнее - предсказуемость системы или свобода индивида?
Автономное оружие (роботы, решающие убить)	Скромность инструмента. Решение о применении силы остаётся за человеком, исполняющим свой долг.	Кодекс чести и личная ответственность. Делегирование убийства алгоритму - потеря человечности.	Можно ли алгоритму делегировать моральный выбор? Китайский и кыргызский подходы различаются мотивами.
ИИ в судопроизводстве (судья-алгоритм)	Алгоритм анализирует факты, окончательный вердикт выносит человек-мудрец.	Аксакалы и судьи учитывают человеческую судьбу; алгоритм лишь помощник.	Справедливость / объективность: алгоритм объективен, человек - милосерден.

Генетическое редактирование (CRISPR, дизайнерские дети)	Вмешательство в «исходный код» предков - риск нарушения гармонии и социального порядка.	Человек - часть природы; «улучшение» человека противоречит естественности и замыслу Тенгри.	Где граница между лечением и улучшением? Китай делает ставку на прогресс, кыргызская традиция - на естественность.
Проблема цифрового бессмертия (загрузка сознания)	Память о предках важнее цифрового сохранения; цифровой призрак нарушает естественный цикл жизни.	Душа вечна в поступках и памяти рода, а не в серверах.	Что есть личность и сознание? Оба подхода ставят под сомнение возможность «загрузки» сознания.

Философский анализ выявляет ключевые дилеммы при внедрении ИИ: дилемма «личного/паттерна» показывает различие между стандартизированным подходом к алгоритмам и вниманием к уникальности каждой ситуации; дилемма «Дао/Жол» иллюстрирует разницу между использованием технологий для оптимизации общества и расширением возможностей человека; дилемма «Единства Неба и человека/Диалога с Тенгри» поднимает вопросы допустимости вмешательства в природу и трансгуманистические практики. Китайская мысль предупреждает о рисках хаоса при нарушении структурного порядка, кыргызская - о потере свободы и человеческого достоинства в условиях тотального контроля.

ИИ выступает не только технологическим феноменом, но и зеркалом культурных ценностей и философских установок. Этическая оценка требует комплексного подхода, включающего философские, социальные и культурные измерения. Развитие и внедрение ИИ невозможно рассматривать исключительно как техническую задачу: автономные системы, принимающие решения без контроля человека, создают вопросы моральной и юридической ответственности, а алгоритмы, обученные на ограниченных

данных, способны закреплять социальные стереотипы и усиливать неравенство.

Для минимизации рисков необходимо учитывать как универсальные этические принципы, так и культурно-специфические нормы. Создание пространства для диалога, где принципы социальной гармонии и уважения к индивидуальной свободе могут сосуществовать, становится ключевым условием этически взвешенного внедрения технологий. Такой подход обеспечивает не только эффективное использование интеллектуальных систем, но и их согласование с социальными и культурными ценностями, формируя основу устойчивого и ответственного развития общества.

В статье достигнута цель философского анализа моральных дилемм ИИ через призму универсальных и культурно-специфических норм. Показано, что этика ИИ не сводится к техническим вопросам, а включает социальные, культурные и философские измерения. Сравнительный анализ китайских и кыргызских традиций демонстрирует, как культурные ценности формируют восприятие и применение интеллектуальных систем. Обоснована необходимость рассматривать этику ИИ как самостоятельную философскую проблему современной науки.

Литература

1. Швырков, А. И. Проблема искусственного интеллекта: возможности методологического подхода // Эпистемология и философия науки. - 2009. - № 1. - С. 111-122. EDN: MMBNST
2. Филипова, И. А. Правовое регулирование искусственного интеллекта: учебное пособие. - 2-е изд., обн. и доп. - Нижний Новгород : Нижегородский госуниверситет, 2022. - 275 с. EDN: VLVYJA
3. Poletaeva, I. I., Perepelkina O. V., Zorina Z. A. Animal cognition (reasoning) in the light of genetic ideas // Vavilov Journal of Genetics and Breeding. - 2017. - Vol. 21. - № 4. - P. 422-427. DOI: 10.18699/VJ17.260 EDN: YTZYCZ
4. Морхат, П. М. Искусственный интеллект: правовой взгляд: монография. - М.: Буки Веди, 2017. - 257 с. ISBN: 978-5-4465-1774-9 EDN: UNYDFF
5. Russell, S. J., Norvig P. Artificial intelligence: a modern approach. - Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1995. - 932 p.
6. Пушкин, В. Г., Урсул А. Д. Информатика, кибернетика, интеллект: философские очерки. - Кишинев : Штиинца, 1989. - 295 с.
7. Dennett, D., Haugeland J. Intentionality // The Oxford Companion to the Mind. - Oxford: Oxford University Press, 1987. - P. 383-386.
8. Современная западная социология: словарь. - М. : Политиздат, 1990. - 432 с.
9. Ашманов, И. "Люди еще не поняли, что их накрывает страшное оружие - цифровое цунами" [Электронный ресурс] // Новые Известия. - 2020. - URL: newizv.ru (дата обращения: 17.02.2025).
10. Разин, А. В. Этика искусственного интеллекта // Философия и общество. - 2019. - № 1. - С. 57-73. EDN: YPCXWS
11. Ботоканова, Г. Т. Обычное право как регулятор социальных отношений традиционного кыргызского общества / Г. Т. Ботоканова // Вестник Бишкекского государственного университета. - 2021. - № 2-3(56-57). - С. 51-54. - DOI 10.35254/bhu/16948386_2021_56_57_51. - EDN GQXNRK.
12. Ботоканова, Г.Т., Тологонова М.Т. Эволюция номадической этничности в постномадическую в советский период истории Кыргызстана // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. - 2023. - № 9. - С. 242-245. DOI: 10.26104/NNTIK.2023.55.60.054 EDN: PNPRCQ
13. Абрамзон, С. М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. - Фрунзе : Кыргызстан, 1990. - 480 с.
14. Китайская культура. - Пекин, 2000. - 350 с.
15. Ботоканова, Г. Т. Особенности этноэтикета кыргызов / Г. Т. Ботоканова, А. К. Нурдинова // Манускрипт. - 2020. - Т. 13, № 10. - С. 127-131. - DOI 10.30853/manuscript.2020.10.25. - EDN FNKDCM.
16. Кузнецов, И. Н. Деловой этикет. / И. Н. Кузнецов. - Минск : Амалфея, 2003. - 338 с.